

Стратегия балансирования на грани войны в истории и перспективе

Научный руководитель – Джаннотти Андреа

Пришкольник Семен Денисович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра международных отношений и интеграционных процессов, Москва, Россия

E-mail: semenprish@mail.ru

В современной системе международных отношений периодически возникают кризисы, урегулирование которых является вечно актуальным вопросом. При этом, несмотря на то, что эскалация таких кризисов может приводить к непоправимому ущербу, регулярно можно наблюдать ситуации, когда одна из сторон в таком кризисе, где стремительно нарастает вероятность открытого конфликта, не демонстрирует стремление избежать такого исхода, но предпринимает намеренные шаги, приближающие противников к нему. Это – акты "балансирования на грани войны" (или Бринкманшипа, от английского оригинала этого понятия – "Brinkmanship"), подхода к переговорам, представляющего собой стратегию намеренного давления на оппонента, обусловленную предположением о невозможности перехода кризиса в фазу открытого столкновения с непоправимыми для обеих сторон последствиями. Значительный вклад в работу по описанию этого явления проделали американские политологи Нед Лебоу и Джеффри М. Эллиот, а также государственные деятели Джон Фостер Даллес и Генри Киссинджер. Последний за время своей работы в администрации президента Никсона активно использовал Бринкманшип для продвижения американских национальных интересов, а впоследствии стремился описать в своих работах, как эта стратегия применялась до него [3]. Киссинджером также было популяризовано понятие "стратегической фривольности" как характерного для Бринкманшипа пренебрежения последствиями внешнеполитических инициатив в угоду кратковременным интересам и удовлетворению сиюминутных запросов. Отечественные исследователи из Валдайского Клуба уделяли большое внимание росту такой безрассудности в контексте вновь формирующегося миропорядка.[1][2]

Настоящая работа предлагает хронологию развития бринкманшипа как стратегии, состоятельность которой обусловлена глобальной геополитической конъюнктурой. Киссинджер писал[3], что бринкманшип "нормализовался" в начале XX века, когда после череды успешно разрешённых кризисов "манёвры ради тактических побед, которые будет хвалить националистически настроенная пресса, стали восприниматься как политическая норма, и стало само собой разумеющимся, что влиятельные державы будут бросать друг другу постоянные вызовы по незначительным вопросам, никогда не доводя дело до столкновения" (Киссинджер, 2015, с.48). Конечно, на деле такие внешнеполитические выпады привели к двум мировым войнам, но ни одна из них не отучила от этого "недалековидного риска" человечество – межвоенный период, по Киссинджеру, отличился наивным пацифизмом, который позволил демагогам развязать новый глобальный конфликт (Киссинджер, 2015, с. 51). Начало холодной войны же характеризовалось такой ненавистью двух геополитических блоков, что ядерное оружие рассматривалось как вполне жизнеспособный элемент стратегии в потенциальной третьей мировой, предотвращённой в первую очередь из-за неспособности конкурирующих сверхдержав достичь стратегических целей, которые потребовались бы для победы в прямом конфликте. Только после Карибского Кризиса,

когда ядерное оружие СССР впервые представляло непосредственную угрозу большей части континентальных Соединённых Штатов Америки, взгляд людей на ядерную войну, превратившуюся из туманного риска в реальную опасность, изменился. В этот период Дональд Бреннан из консервативного аналитического центра Hudson Institute вводит в дискурс международной политики понятие "Взаимное Гарантированное Уничтожение"[4], закрепляется "ядерное табу" – фактическое нормативное предписание против применения ядерного оружия[5]. Так, администрации Никсона приходилось прибегать к "доктрине безумца" создавая на международной арене образ лидера, готового пойти на применение Бринкманшипа даже в обход ядерного табу, превратив стратегию балансирования на грани войны из последовательности провокаций в неафишируемую интригу. Однако впоследствии, с окончанием холодной войны, Бринкманшип, подкреплённый оружием массового поражения, стал средством защиты национальных интересов для ряда государств не смирившихся с гегемонией США, таких как уже вошедшая в эшелон ядерных держав КНДР, или стремящийся в него войти Иран. Руководство Соединённых Штатов, в свою очередь, неспособное адекватно воспринимать этот вызов, само попадает в ловушку стратегической фривольности, возобновляя гонку вооружений и подтачивая фундамент вышеупомянутого "ядерного табу"[2][6], о чем лучше всего свидетельствуют высказывания сделанные в адрес Ким Чен Ына президентом Трампом, обещавшим северокорейскому лидеру "огонь и ярость". Если в середине XX века мир увидел "доктрину безумца", реализуемую через тщательно спланированные приёмы психологической манипуляции, то XXI век вполне можно было бы назвать полноценной "эпохой безумцев", где внешнеполитический экстремизм эпохи Хрущева и Голдуотера вновь вошёл в норму международных отношений.

Таким образом, можно прийти к выводу, что международное сообщество в течении последних 20-25 лет находилось и продолжит в ближайшем будущем находиться в состоянии, благоприятствующем применению этой стратегии. С учётом потенциального применения оружия массового поражения, это может привести к катастрофическим последствиям для окружающей среды и миллиардов людей в региональном и глобальном масштабе. Нельзя исключать роль Бринкманшипа и стратегической фривольности как вероятных факторов в эскалации продолжающихся международных конфликтов, например территориальных споров в таких очагах напряжённости как Арктика, Восточное Средиземноморье, Южно-китайское море, Кашмир. Несмотря на связанные с балансированием на грани риски, мировые лидеры продолжают прибегать к нему как к инструменту реализации тех или иных политических манёвров, поскольку оно представляет собой мощный рычаг влияния на поведение оппонента, ставя тем самым на карту благополучие всего человечества.

В этой связи перед исследователями международных отношений встаёт вопрос обновления теоретического понимания Бринкманшипа, необходимого для решения конкретных задач, с которыми государства мира вероятно столкнутся в «эпоху безумцев»: минимизации стратегической фривольности, разработки вероятных сценариев дипломатических кризисов с применением Бринкманшипа, механизмов предотвращения и урегулирования таких кризисов. Продолжающееся распространение оружия массового поражения, в том числе ядерного, рост международной напряжённости вплоть до угрозы новой глобальной войны и необходимость формирования механизмов сотрудничества в зарождающемся новом миропорядке делают этот вопрос особенно актуальным.

Источники и литература

- 1) Барабанов, О. Бордачёв, Т. Лисоволик, Я и др. Как важно быть серьёзным: Мир на грани непоправимого // Международный Дискуссионный Клуб «Валдай» : [сайт]. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/17558/> (дата обращения: 16.02.2024).

- 2) Бордачёв, Т. Режим контругроз и стратегическая фривольность // Международный Дискуссионный Клуб «Валдай» : [сайт]. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rezhim-kontrugroz-i-strategicheskaya-frivolnost/> (дата обращения: 16.02.2024).
- 3) Киссинджер, Г. Мировой Порядок — Москва : АСТ, 2015.
- 4) Jervis R. Mutual Assured Destruction // Foreign Policy, № 133 — С. 40-42
- 5) Tannenwald N. Stigmatizing the Bomb: Origins of the Nuclear Taboo // International Security, т. 29, №. 4 — С. 5-49
- 6) Tannenwald N. The Vanishing Nuclear Taboo?: How Disarmament Fell Apart // Foreign Affairs, т. 97, № 6 — С. 16-24